

С л е д в ж и з н и

В кабинет Тани Массалитиновой я пришла с конкретной целью — взять интервью у известной актрисы.

«Кабинетом» оказалась маленькая, скромно обставленная квартирка на улице Раковского. Кроме полки с книгами, письменного стола и огромного старинного сундука, служившего одновременно диваном, в ней ничего не было. Зато на стенах развешены фотографии, рисунки, акварели, которым мог бы позавидовать любой музей. Прямо напротив входа — большой, написанный маслом портрет прежнего хозяина квартиры — Николая Осиповича Массалитинова...

— Это мой отец, — говорит Татьяна Николаевна, — ученик К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, артист Художественного театра. Вот мама, — она указывает на фотографию молодой красавицы женщины в русском костюме, — в роли Агафьи Тихоновны в «Женитьбе» Гоголя. Она тоже была актрисой.

— Гражданская война застала моих родителей на юге России, где гастролировала часть труппы Художественного театра. Артисты оказались отрезанными от Москвы. Они кружили по городам Европы, давая свои знаменитые спектакли — «Дядя Ваня», «Вишневый сад», «Село Степанчиково». В Софии выступления труппы имели такой успех, что министерство просвещения Болгарии предложило отцу стать художественным руководителем лучшего драматического театра страны. Мать в то время тяжело болела: после родов у нее открылся туберкулез. Я была совсем маленькой, — рассказывает Т. Н. Массалитинова. — Все это заставило отца принять предложение. Мы остались в Софии. Уже после смерти отца я обнаружила вот в этом сундуке черновик письма в Верховный Совет СССР, в котором он просил предоставить ему советское гражданство. «Я могу еще принести пользу своей стране», — писал он. После освобождения Болгарии мы были одними из первых, кому вручили советские паспорта...

Татьяна Массалитинова открывает тяжелую крышку сундука и достает из него большую связку голубых листочков почтовой бумаги. До чего знакомы эти скромные листки, узкие, простые конверты, — да, такой бумагой москвичи пользовались в первые послевоенные годы. А вот почерк какой-то странный: буквы разъезжаются, сверху их обводит несколько раз, словно карандашом водила слабая, неверная рука. Под ними подписи: «О. Киппер-Чехова».

Татьяна Николаевна рассказывает, что обнаружила их в ворохе других бумаг, которые всю жизнь собирала, старательно берегла ее мать Екатерина Филимоновна Краснопольская.

Объемистый старинный сундук в полтора метра длиной, метр высотой доверху полон подлинными сокровищами — архивами, письмами, дневниками, фотографиями людей, имена которых навсегда оставили след в истории русской культуры. — К. Станиславского, Л. Андреева, В. Качалова, О. Киппер-Чеховой.

Таня Массалитинова, наклонившись над сундуком, перекалывает связки тетрадей, перевязанных ленточками: вот стенограммы знаменитых «понеделников», которые устраивал для молодежи театра К. С. Станиславский. Их поручали вести ее матери, Кате Краснопольской, тогда еще совсем юной выпускнице Школы студии

Художественного театра. Здесь же воспоминания Николая Осиповича, начатые им в последние годы жизни.

— Бумаг так много, что я еще не успела все пересмотреть, — говорит Татьяна Николаевна. — Часть архива — материалы, связанные с работой отца в Народном театре имени Ивана Вазова, я передала в Центральный государственный исторический архив Болгарии...

Покопавшись в нем, хозяйка протягивает мне еще одну реликвию — никогда и нигде не публиковавшиеся записки выдающейся советской актрисы Варвары Осиповны Массалитиновой, старшей представительницы этого театрального рода. С разрешения Татьяны Николаевны я привожу здесь отрывки из них. Но сначала краткая справка: Варвара Осиповна и ее младший брат Николай Осипович Массалитиновы выросли в большой многодетной семье чиновника-дегустатора в чайной фирме Боткина. Красочно описывает она «великое переселение» семьи в Сибирь по Волге и Каме. Встречу с политкаторжанами на барже, которую тащил пароход, гимназические годы в Томске. Отец Массалитиновых умер в 1895 году, семья осталась без средств, и молодая Варвара поступает счетоводом в горное управление.

«...Отца нет, умер. Дома все озабочены, мать подавлена горем и предстоящей нуждой, а на руках еще трое детей. Один из театралов-любителей, не желая упустить хорошую любительницу, зовет поступить в горное учреждение, обещая собрать кружок (театральный). — М. К.). На вопрос: «Ведь у вас женщин нет?» — «Ничего, вы сойдете за чиновника Массалитинова». И новоявленный чиновник является каждое утро для вычисления золотосного песка. Проценты золота механически вычислялись, а в голове зрела роль первого выступления в «Женитьбе». Сцена с незадачливыми женихами репетировалась в бесплатной библиотеке, единственном учреждении, носившем либеральный характер. Сам начальник Шостак с его исключительно мягкой душой, заботливый, много способствовал нашим упражнениям. Упражки с курьерами, отправлявшиеся с золотым запасом в Москву, проходили мимо нашего внимания. А мне, ушедшей в «Ревизора», часто казалось: вот это та тройка, что увозит Хлестакова под звук бубенчиков. Сидишь, бывало, среди чиновников, точь-в-точь с Горюхиным. Земляничкой и другими».

...В холодное зимнее утро Варя Массалитинова отправилась на экзамены в Московский Малый театр.

«...Экзамены были приготовлены в комнате против площадки, в одном из классов. Синедрион экзаменующих: В. А. Теляков, А. П. Ленский — директор и преподаватель, А. М. Невский и другие уже сидели за длинным столом, покрытым зеленым сукном. Вызывали по алфавиту, но я была вызвана раньше».

Читать пришлось «Ссору» Никитина и басню, которую недочитала. Помню зычный голос, свой неуемный темперамент, от которого зазвенели стекла. Потом отчетливый вопрос А. П. Ленского:

— Дружок, вы идете на какое же амплуа?

— Я на старух, стариков и ведьмачей.

Оборачиваясь к Телякову, Ленский говорит тихо:

— За двенадцать лет существования школы слышу

умный ответ. А средства у вас есть?

Не даю договорить и прямо, твердо глядя ему в глаза:

— Если я талантлива, то поддержите, дайте пенсию, если нет, то я еду учиться на курсы в Питер.

— Пенсию мы даем через много лет, а вот стипендию можно будет дать, если вы окажете успех. А тут-на, прочтите еще что-нибудь».

Большой, заметный след оставил Н. О. Массалитинов в Болгарии. Здесь он открыл специальную школу для артистов, где учились не только молодые актеры, но и популярные, завоевавшие уже у зрителей славу мастера сцены. Вот что пишет нам народная артистка НРБ Марта Попова:

«Массалитинов создал условия для расцвета прованский болгарских артистов. Для нашего поколения более молодых он был самым ярким представителем реализма и художественно-мастерства в драматическом искусстве. Массалитин, педагог и режиссер, создал кадры артистов, которые десятилетия лет несли на своих плечах репертуар Народного театра в Софии: он подготовил новую театральную смену».

...Н. О. Массалитин приобщил ведущий болгарский театр к новому репертуару, нацелил его на новый путь художественного творчества, к высотам большой драматургии — классической и современной. ...Он сделал все, что было возможно, для создания болгарского национального репертуара, без которого было невозможно дальнейшее развитие болгарского драматического искусства, болгарского театра вообще».

Пожалуй, более высокую оценку работы русского художника, его значения и роли в духовной жизни братского народа трудно представить. К этому можно лишь добавить, что он воспитал и дал болгарскому театру выдающуюся актрису — свою дочь.

...Таню Массалитинову я увидела впервые на «Сцене актера». Собственно, «сцены» как таковой не было. Помещение, где давали французскую пьесу Л. Белон «Дамы в четверг» в переводе самой Тани, напоминало обычный ресторан. Между столиками стояли официантки в белых фартучках, только вместо бокалов с вином они разносили дымящиеся чашки чая. На столах горели свечи, создавая «вечный» свет. Мы почувствовали себя в театре после того, как над одним из столиков ярко вспыхнула электрическая лампочка, осветив трех молодых женщин. Вместе с великодушными партнершами по сцене, народными артистками Славкой Славовой и Лилей Пеливановой, Таня Массалитинова исполняла роль одной из женщин — русской по происхождению. Играла она просто, искренне, без грима, в обычном своем платье, в котором пришла в театр, и усталое с большими серыми глазами лицо ее каким-то чудом превращалось то в юное личико девушки-подростка, то покрывалось морщинами заданной нуждой старой дамы.

Потом я увидела актрису в пьесе советского драматурга А. Галина «Ретро» в роли Розы Александровны, в прошлом балерины.

В чувстве юмора, в широком диапазоне ролей актриса, пожалуй, не уступает старшим Массалитиновым.

— Но скажите, — спрашивает она с нарочитой серьезностью, — смогла бы тетя Варя сыграть в двухчасовом

спектакле «Театр, любовь моя» на сцене театра «199», где мы выступаем вдвоем со Славкой Славовой и где по ходу действия приходится петь, танцевать, играть различных зверюшек и даже изображать эстрадную диву в комическом шоу? Думаю, что ей было бы трудно. Зато, — лукаво смеется Таня.

Массалитинова — младшая прежде всего актриса современная, может быть, поэтому она особенно любит трудную камерную сцену. На малой сцене раскрылся ее яркий, многосторонний талант. Таня стала одной из самых популярных и любимых болгарскими зрителями актрис, хотя и до этого она пользовалась широкой известностью, завоеванной на сцене родного Народного театра. Таня Массалитинова работает там почти сорок лет: большая часть ее актерской жизни связана с первым драматическим театром страны. Здесь она сыграла свою любимую роль — Ирину в «Трех сестрах», постановку которой осуществил ее отец. Здесь переиграла десятки других ролей: Негинию в «Талантах и поклонниках», Любу Шевцовой в «Молодой гвардии», Любови Яровой в пьесе Тренева, Акулины в «Мещанах».

Этот спектакль поставил в театре выдающийся советский режиссер Г. Товстоногов.

— Встреча с искусством этого мастера — одно из самых сильных моих впечатлений, — признается актриса. — Вот я и решила поехать в Ленинград в театр Г. Товстоногова, чтобы овладеть профессией режиссера, и восемь месяцев стажировалась в театре на Фонтанке.

Творчество актрисы получило признание — ей присвоено высокое звание лауреата Димитровской премии, народной артистки НРБ.

Вскоре после освобождения Болгарии в квартиру Массалитиновых в Софии поступал советский полковник. Он привез из Москвы для Тани, тогда еще студентки театральной школы, книгу «Гликерия Федотова». Она была актрисой русской драматической сцены Малого театра, которую Варвара Осиповна Массалитинова любила и читала особенно высоко. Эта книга передо мной. Раскрываю ее и на первом листе читаю: «Дар себе самой в день 40-летия». А немного ниже четким, решительным почерком добавлено: «А теперь передаю моей племяннице Татьяне Николаевне Массалитиновой. Москва, 27. II. 1945 год. В Массалитинова».

Таково было напутствие молодой, еще только начинавшей актрисе от выдающегося мастера сцены, передавшей своей приемнице любовь к актерскому искусству, к театру.

...Стемнело. Мы и не заметили, как маленькая квартирка на улице Раковского погрузилась в сумерки. Татьяна Николаевна зашла в театр, на репетицию новой постановки «Лисистраты» Аристофана, где ей предстоит играть одну из главных ролей — предводительницу хора. Только сейчас я спохватилась, что не успела задать ни одного из своих заранее подготовленных вопросов.

— Знаете, — бросила актриса уже на ходу, застегивая пальто, — лучше я поделюсь с читателями своим девизом: «Работать и не унывать!».

М. КРУШИНСКАЯ,
корр. «Советской культуры».

СОФИЯ.

12 мая 1983 г. № 57

С л е д в ж и з н и

В кабинет Тани Массалитиновой я пришла с конкретной целью — взять интервью у известной актрисы. «Кабинетом» оказалась маленькая, скромно обставленная квартирка на улице Раковского. Кроме полки с книгами, письменного стола и огромного старинного сундука, служившего одновременно диваном, в ней ничего не было. Зато по стенам развешаны фотографии, рисунки, акварели, которым мог бы позавидовать любой музей. Прямо напротив входа — большой, написанный маслом портрет прежнего хозяина квартиры — Николая Осиповича Массалитинова...

— Это мой отец, — говорит Татьяна Николаевна, — ученик К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, артист Художественного театра. Вот мама, — она указывает на фотографию молодой красивой женщины в русском костюме, — в роли Агафьи Тихоновны в «Женитьбе» Гоголя. Она тоже была актрисой.

Гражданская война застала моих родителей на юге России, где гастролировала часть труппы Художественного театра. Артисты оказались отрезанными от Москвы. Они кружили по городам Европы, давая свои знаменитые спектакли — «Дядя Ваня», «Вишневый сад», «Село Степанчиково». В Софии выступления труппы имели такой успех, что министерство просвещения Болгарии предложило отцу стать художественным руководителем лучшего драматического театра страны. Мать в то время тяжело болела: после родов у нее открылся туберкулез. Я была совсем маленькой, — рассказывает Т. Н. Массалитинова, — Все это заставило отца принять предложение. Мы остались в Софии. Уже после смерти отца я обнаружила вот в этом сундуке черновик письма в Верховный Совет СССР, в котором он просил предоставить ему советское гражданство. «Я могу еще принести пользу своей стране», — писал он. После освобождения Болгарии мы были одними из первых, кому вручили советские паспорта...

Татьяна Массалитинова открывает тяжелую крышку сундука и достает из него большую связку голубых листочков почтовой бумаги. До чего знакомы эти скромные листки, узкие, простые конверты, — да, такой бумагой москвичи пользовались в первые послевоенные годы. А вот почерк какой-то странный: буквы разъезжаются, сверху их обводят несколько раз, словно карандашом водила слабая, неверная рука. Под ними подпись: «О. Книппер-Чехова».

Татьяна Николаевна рассказывает, что обнаружила их в ворохе других бумаг, которые всю жизнь собирала, старательно берегла ее мать Екатерина Филимоновна Краснопольская.

Объемистый старинный сундук в полтора метра длиной, метр высотой доверху полон подлинными сокровищами — архивами, письмами, дневниками, фотографиями людей, имена которых навсегда оставили след в истории русской культуры. — К. Станиславского, Л. Андреева, В. Качалова, О. Книппер-Чеховой.

Таня Массалитинова, наклонившись над сундуком, перекладывает связки тетрадей, перевязанных ленточками: вот стенограммы знаменитых «понедельников», которые устраивал для молодежи театра К. С. Станиславский. Их поручали вести ее матери, Кате Краснопольской, тогда еще совсем юной выпускнице Школы-студии

Художественного театра. Здесь же воспоминания Николая Осиповича, начатые им в последние годы жизни.

— Бумаг так много, что я еще не успела все пересмотреть, — говорит Татьяна Николаевна. — Часть архива — материалы, связанные с работой отца в Народном театре имени Ивана Вазова, я передала в Центральный государственный исторический архив Болгарии...

Покопавшись в нем, хозяйка протягивает мне еще одну реликвию — никогда и нигде не публиковавшиеся записки выдающейся советской актрисы Варвары Осиповны Массалитиновой, старшей представительницы этого театрального рода. С разрешения Татьяны Николаевны я привожу здесь отрывки из них. Но сначала краткая справка: Варвара Осиповна и ее младший брат Николай Осипович Массалитиновы выросли в большой многодетной семье чиновника-дегустатора в чайной фирме Воткина. Красочно описывает она «великое переселение» семьи в Сибирь по Волге и Каме. Встречу с политкаторжанами на барже, которую тянул пароход, гимназические годы в Томске. Отец Массалитиновых умер в 1895 году, семья осталась без средств, и молодая Варвара поступает счетоводом в горное управление.

«...Отца нет, умер. Дома все озабочены, мать подавлена горем и предстоящей нуждой, а на руках еще трое детей. Один из театралов-любителей, не желая уступить хорошую любительницу, зовет поступить в горное учреждение, обещая собрать кружок (театральный, — М. К.). На вопрос: «Ведь у вас женщина нет?» — «Ничего, вы сойдете за чиновника Массалитинова». И новоявленный чиновник является каждое утро для вычисления золотосного песка. Проценты золота механически высчитались, а в голове зрела роль первого выступления в «Женитьбе». Сцена с незадачливыми женами репетировалась в бесплатной библиотеке, единственном учреждении, носившем либеральный характер. Сам начальник Шостак с его исключительно мягкой душой, заботливый, много способствовал нашим упражнениям. Упряжки с курьерами, отправлявшиеся с золотым запасом в Москву, проходили мимо нашего внимания. А мне, ушедшей в «Ревизора», часто казалось: вот это та тройка, что увозит Хлестакова под звук бубенчиков. Сидишь, бывало, среди чиновников, точь-в-точь с Горюхиным, Земляничкой и другими».

В холодное зимнее утро Варя Массалитинова отправилась на экзамены в Московский Малый театр.

«...Экзамены были приготовлены в комнате против площадки, в одном из классов. Синедрион экзаменуемых: В. А. Теляков, А. П. Ленский — директор и преподаватель, А. М. Невский и другие уже сидели за длинным столом, покрытым зеленым сукном. Вызывали по алфавиту, но я была вызвана раньше».

Читать пришлось «Ссору» Никитина и басню, которую недочитала. Помню зычный голос, свой неумный темперамент, от которого зазвенели стекла. Потом отчетливый вопрос А. П. Ленского:

— Дружок, вы идете на какое же амплу?

... — Я на старух, стариков и ведьмачей.

Оборачиваясь к Телякову, Ленский говорит тихо:

— За двенадцать лет существования школы слышу

умный ответ. А средства у вас есть?

Не даю договорить и прямо, твердо глядя ему в глаза:

— Если я талантлива, то поддержите, дадите пенсию, если нет, то я еду учиться на курсы в Питер.

— Пенсию мы даем через много лет, а вот стипендию можно будет дать, если вы окажете успех. А ну-ка, прочтите еще что-нибудь».

Большой, заметный след оставил Н. О. Массалитинов в Болгарии. Здесь он открыл специальную школу для артистов, где учились не только молодые актеры, но и популярные, завоевавшие уже у зрителей славу мастера сцены. Вот что пишет о нем народная артистка НРБ Марта Попова:

«Массалитинов создал условия для расцвета дарованных болгарских артистов. Для нашего поколения и более молодых он был самым ярким представителем реализма и художественного мастерства в драматическом искусстве. Массалитинов, педагог и режиссер, создал кадры артистов, которые десятки лет несли на своих плечах репертуар Народного театра в Софии; он подготовил новую театральную смену».

Н. О. Массалитинов приобщил ведущий болгарский театр к новому репертуару, нацелил его на новый путь художественного творчества, к высотам большой драматургии — классической и современной. Он сделал все, что было возможно, для создания болгарского национального репертуара, без которого было невозможно дальнейшее развитие болгарского драматического искусства, болгарского театра вообще».

Пожалуй, более высокую оценку работы русского художника, его значения и роли в духовной жизни болгарского народа трудно представить. К этому можно лишь добавить, что он воспитал и дал болгарскому театру выдающуюся актрису — свою дочь.

Таню Массалитинову я увидела впервые на «Сцене актера». Собственно, «сцены» как таковой не было. Помещение, где давали французскую пьесу Л. Белон «Дамы в четверг» в переводе самой Тани, напоминало обычный ресторан. Между столиками сновали официантки в белых фартучках, только вместо бокалов с вином они разносили дымящиеся чашки чая. На столах горели свечи, создавая «интим». Мы почувствовали себя в театре после того, как над одним из столиков ярко вспыхнула электрическая лампочка, осветив трех немолодых женщин. Вместе с величественными партнершами по сцене, народными артистками Славкой Славовой и Лилей Пеливановой, Таня Массалитинова исполнила роль одной из женщин — русской по происхождению. Играла она просто, искренне, без грима, в обычном своем платье, в котором пришла в театр, и уставшее с большими серыми глазами лицо ее каким-то чудом превратилось то в юное личико девушки-подростка, то покрывалось морщинами заданной нуждой старой дамы.

Потом я увидела актрису в пьесе советского драматурга А. Галина «Ретро» в роли Розы Александровны, в прошлом балерины.

В чувстве юмора, в широком диапазоне ролей актриса, пожалуй, не уступает старшим Массалитиновым.

— Но скажите, — спрашивает она с нарочитой серьезностью, — смогла бы тетя Варя сыграть в двухчасовом

спектакле «Театр, любовь моя» на сцене театра «199», где мы выступаем вдвоем со Славкой Славовой и где по ходу действия приходится петь, танцевать, играть различных зверюшек и даже изображать эстрадную диву в комическом шоу? Думаю, что ей было бы трудно, — лукаво смеется Таня.

Массалитинова — младшая прежде всего актриса современная, может быть, поэтому она особенно любит трудную камерную сцену. На малой сцене раскрылся ее яркий, многосторонний талант. Таня стала одной из самых популярных и любимых болгарскими зрителями актрис, хотя и до этого она пользовалась широкой известностью, завоеванной на сцене родного Народного театра. Таня Массалитинова работает там почти сорок лет: большая часть ее актерской жизни связана с первым драматическим театром страны. Здесь она сыграла свою любимую роль — Ирины в «Трех сестрах», постановку которой осуществил ее отец. Здесь переиграла десятки других ролей: Негини в «Талантах и поклонниках», Любы Шевцовой в «Молодой гвардии», Любви Яровой в пьесе Тренева, Акулины в «Меценатах».

Этот спектакль поставил в театре выдающийся советский режиссер Г. Товстоногов.

— Встреча с искусством этого мастера — одно из самых сильных моих впечатлений, — признается актриса. — Вот я и решила поехать в Ленинград в театр Г. Товстоногова, чтобы овладеть профессиональной режиссерой, и восемь месяцев стажировалась в театре на Фонтанке.

Творчество актрисы получило признание — ей присвоено высокое звание лауреата Димитровской премии, народной артистки НРБ.

Вскоре после освобождения Болгарии в квартиру Массалитиновых в Софии поступал советский полковник. Он привез из Москвы для Тани, тогда еще студентки театральной школы, книгу «Гликерия Федотова». Она была актрисой русской драматической сцены Малого театра, которую Варвара Осиповна Массалитинова любила и чтла особенно высоко. Эта книга передо мной. Раскрываю ее и на первом листе читаю: «Дар себе самой в день 40-летия». А немного ниже четким, решительным почерком добавлено: «А теперь передаю моей племяннице Татьяне Николаевне Массалитиновой». Москва, 27. II. 1945 год. В Массалитинова».

Таково было напутствие молодой, еще только начинавшей актрисе от выдающегося мастера сцены, передавшей своей приемнице любовь к актерскому искусству, к театру.

...Стемнело. Мы и не заметили, как маленькая квартирка на улице Раковского погружалась в сумерки. Татьяна Николаевна зашла в театр, на репетицию новой постановки «Лисистраты» Аристофана, где ей предстоит играть одну из главных ролей — предводительницу хора. Только сейчас я спохватилась, что не успела задать ни одного из своих заранее заготовленных вопросов.

— Знаете, — бросила актриса уже на ходу, застегивая пальто, — лучше я поделюсь с читателями своим девизом: «Работать и не унывать!».

М. КРУШИНСКАЯ,
корр. «Советской культуры».

СОФИЯ.